

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 1 (3)

2020

*Священник Игорь Иванов, И. Б. Гаврилов,
С. Д. Титаренко, Е. М. Титаренко,
О. Б. Сокурова, А. В. Маркидонов*

Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет»

DOI: 10.24411/2588-0276-2020-10021

Аннотация: Публикация подготовлена на основе стенограммы выступлений участников круглого стола на тему «Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины», состоявшегося 25 октября 2019 г. в Книжной гостиной Издательства Санкт-Петербургской духовной академии.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, христианство, русская культура, русская религиозная философия, православие, католичество, русская эмиграция, символ, символизм, Серебряный век, Святая Русь, Византия, византизм, «Повесть о Светомире царевиче».

Об авторах: **Священник Игорь Анатольевич Иванов** ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>
Кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. E-mail: igivan74@mail.ru

Игорь Борисович Гаврилов ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>
Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. E-mail: igo7777@mail.ru

Светлана Дмитриевна Титаренко ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-69-81-0669>
Доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: svet_titarenko@mail.ru

Евгений Михайлович Титаренко ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0422-1041>
Кандидат философских наук, сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: titem@mail.ru

Ольга Борисовна Сокурова
Доктор культурологии, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: sokurova_ob@mail.ru

Александр Васильевич Маркидонов
Кандидат богословия, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. E-mail: obventus@gmail.com

Ссылка на статью: Иванов И., свящ., Гаврилов И.Б., Титаренко С.Д., Титаренко Е.М., Сокурова О.Б., Маркидонов А.В. Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 338–355.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1 (3)

2020

*Priest Igor Ivanov, Igor B. Gavrilov,
Svetlana D. Titarenko, Evgeny M. Titarenko,
Olga B. Sokurova, Alexander V. Markidonov*

Vyacheslav Ivanov: Poet, Philosopher, Christian. To the 70th Anniversary of His Death. Materials of the Round Table of the “Byzantine Cabinet” as Scientific Project of the Publishing House of the St. Petersburg Theological Academy

DOI: 10.24411/2588-0276-2020-10021

Abstract: The publication is made after a transcript of speeches by the participants of the round table on the theme “Vyacheslav Ivanov: Poet, Philosopher, Christian. On the occasion of the 70th anniversary of his death”, which took place on October 25, 2019 in the Bookroom of the Publishing House of the St. Petersburg Theological Academy.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Christianity, Russian culture, Russian religious philosophy, Orthodoxy, Catholicism, Russian emigration, symbol, symbolism, Silver Age, Holy Russia, Byzantium, Byzantinism, “The Tale on Svetomir Tsarevich”.

About the authors: **Priest Igor Anatolyevich Ivanov** ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Associate Professor, Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy. E-mail: igivan74@mail.ru

Igor Borisovich Gavrilov ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor, Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy. E-mail: igo7777@mail.ru

Svetlana Dmitrievna Titarenko ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-69-81-0669>
Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University. E-mail: svet_titarenko@mail.ru

Evgeny Mikhailovich Titarenko ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0422-1041>
Candidate of Philosophy, Fellow, St. Petersburg State University. E-mail: titem@mail.ru

Olga Borisovna Sokurova
Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Institute of History, St. Petersburg State University. E-mail: sokurova_ob@mail.ru

Alexander Vasilievich Markidonov
Candidate of Theology, Associate Professor, Associate Professor, Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy. Email: obventus@gmail.com

Article link: Ivanov I., priest, Gavrilov I. B., Titarenko S. D., Titarenko E. M., Sokurova O. B., Markidonov A. V. Vyacheslav Ivanov: Poet, Philosopher, Christian. To the 70th Anniversary of His Death. Materials of the Round Table of the “Byzantine Cabinet” as Scientific Project of the Publishing House of the St. Petersburg Theological Academy. *Russian-Byzantine Herald*, 2020, no. 1 (3), pp. 338–355.

25 октября 2019 г. в Книжной гостиной Издательства Санкт-Петербургской духовной академии состоялось первое в 2019–2020 учебном году заседание научно-просветительского проекта «Византийский кабинет», посвященное 70-летию со дня кончины Вячеслава Иванова (1866–1949).

Ведущими круглого стола на тему «Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины» традиционно выступили авторы проекта — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков СПбДА священник Игорь Иванов и кандидат философских наук, доцент кафедры богословия СПбДА Игорь Борисович Гаврилов.

В мероприятии приняли участие ученые из Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургской духовной академии: доктор филологических наук, профессор СПбГУ Светлана Дмитриевна Титаренко, кандидат философских наук, сотрудник СПбГУ Евгений Михайлович Титаренко, доктор культурологии, доцент Института истории СПбГУ Ольга Борисовна Сокурова, кандидат богословия, доцент кафедры богословия СПбДА Александр Васильевич Маркидонов.

Предлагаем ознакомиться с содержанием прозвучавших выступлений.

Священник Игорь Иванов: Сегодняшняя наша встреча посвящена памяти известного деятеля русской культуры в Отечестве и в эмиграции Вячеслава Иванова, которого можно назвать своего рода полигистором. Можно сказать, что Вяч. Иванов воплотил в себе идеал византийского книжника: он прекрасно знал античную литературу, владел византийской тематикой... Т. е. его творческий путь проходил в русле античной традиции, мы видим здесь некий сплав античной, русской и византийской ментальностей. Поэтому в контексте наших штудий «Русско-Византийского вестника» и заседаний «Византийского кабинета» память о нем действительно актуальна. Кроме того, в его судьбе и творчестве есть и некоторые специфические именно для Серебряного века моменты, которые хотелось бы также сегодня прояснить...

Теперь я передаю слово Игорю Борисовичу.

Священник Игорь Иванов

Игорь Борисович Гаврилов

Игорь Борисович Гаврилов: Спасибо, отец Игорь! Сегодня на нашем очередном заседании мы решили поговорить о творчестве Вячеслава Ивановича Иванова, поскольку этот год юбилейный, и семьдесят лет — достаточно круглая дата. Мне думается, что будет важно для всех нас, для духовной академии, вспомнить это имя, многим студентам практически не известное, но заслуживающее внимания. И вот я сейчас, может быть, больше для молодых слушателей, для наших студентов, хочу сказать несколько вступительных слов герою нашей встречи.

Вячеслав Иванович Иванов — это очень разносторонняя личность, яркая, творческая, связанная со многими традициями отечественной и европейской культуры. Это русский мыслитель и поэт, признанный европейский философ и крупнейший христианский гуманист. С одной стороны, он наследник Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, А. С. Хомякова, славянофильской традиции. Но, с другой стороны, очень важно влияние и европейского наследия — это романтизм (Новалис, Шеллинг, Байрон), а также Данте, Шекспир и др. — богатейшая традиция европейской христианской культуры; это и Античность, конечно. Безусловно, Иванов — виднейший представитель русского эллинизма как идейного и научного направления, крупнейший знаток Античности, блестящий переводчик, ученый, автор двух фундаментальных научных трудов об Античности («Эллинская религия страдающего бога» и «Дионис и прадионисийство»).

Протоиерей Георгий Флоровский отмечал, что Иванов удивительным образом перешел к христианству под влиянием философии Ницше. Этот интересный тезис нуждается в небольшом пояснении. Дело в том, что Ницше был противником христианства, называл себя антихристом и противопоставлял христианству дионисийское начало, т. е. бога Диониса как символ творчества и стихийного простора человеческой природы противопоставлял Христу и Его Церкви. И вот Иванов совершил определенный переворот в этом классическом ницшеанстве: он дал совершенно неклассическую, нестандартную версию ницшеанства. Оставаясь ницшеанцем, он, тем не менее, не принял идею сверхчеловека, не принял антихристианство немецкого мыслителя, а выдвинул идею, что дионисийство и Античность в целом — это некий «второй

Ветхий Завет», некое введение, важная ступень, предваряющая христианство, и христианство впитало в себя и дионисийское начало, и другие начала, такие как платонизм и иные направления духовной античной культуры и философии. Т. е. Иванов и христианский платонизм, безусловно. Но он включает в христианскую традицию не только платонизм, как другие русские философы (В. Ф. Эрн, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев), — он включает и то самое язычество (наиболее его привлекавшую орфическую линию), которое, казалось бы, было совершенно оттуда исключено еще в первые века христианства.

Я не буду подробно говорить об этой концепции, отмечу лишь, что это очень важная тема, и ученые-ивановеды сегодня много спорят, отрекся ли в итоге Вячеслав Иванов от своих пристрастий к Античности. В частности, у него есть стихотворение 1927 г. «Палинодия», которое многие представляют как отречение от дионисийства, некое возвращение Иванова в строгое лоно христианства, но христианства уже римского, латинского. Это весьма интересная проблема, требующая внимания.

Но для всех нас, здесь присутствующих, наверное, наибольший интерес представляет обращение Вячеслава Иванова к теме Святой Руси. Его позднее произведение, считающееся его духовным завещанием, «Повесть о Светомире царевиче», о котором мы будем сегодня говорить, — это как раз замечательный пример осмысления русской святости, русской духовной истории в контексте собственной биографии. Т. е. это и автобиографическое произведение, и историсофское; в нем в наибольшей степени присутствует святорусская тематика, однако ярко звучит и тема преемственности Руси от Византии.

И, наконец, еще одна проблема, которую, наверное, нельзя не затронуть, — это известный шаг Иванова, совершенный им в изгнании в Италии в 1926 г., — его присоединение к Католической церкви восточного обряда. Сам Вячеслав Иванович рассматривал этот шаг как попытку соединить разрозненные, по его представлениям, половины христианского мира, чтобы иметь возможность «дышать двумя легкими», «питаться» двумя традициями. Здесь, безусловно, сказалось влияние его духовного учителя Владимира Сергеевича Соловьева. Так вот, интересно понять, как сочеталось у Вячеслава Иванова его обращение к западному христианству, к католицизму, с удивительно глубоким осмыслением Святой Руси в позднем творчестве, прежде всего в уникальном эпическом произведении, не имеющем аналогов в русской литературе XX в., — «Повести о Светомире царевиче».

Итак, сначала послушаем краткое вступительное сообщение отца Игоря на тему «Вяч. Иванов и Византия: точки пересечения».

Священник Игорь Иванов: Интерес к Византии проявился у Вячеслава Иванова во время его обучения в Берлинском университете при общении с выдающимся историком Теодором Моммзеном. Работая над проектом своей докторской диссертации, Вячеслав Иванов усердно занимался изучением истории Равеннского экзархата и специфики византийских учреждений в южной Италии. Кроме того, он специально разрабатывал вопрос о государственных откупах как в римской республике, так и во время империи.

При этом В. Иванов проникался духом античности, серьезно изучая латинскую и греческую палеографию, а также выполняя в качестве упражнения в классических языках и литературных стилях переводы с греческого на латынь авторов Эллады. Именно филологическая направленность его мысли со временем пересилила в нем историка. Но в его личности сформировался целостный сплав, в котором историческое видение, широкая образованность, обширная эрудиция, мистическая одаренность и филологическое чутье питали творческий талант, выражаясь в ярких и самобытных произведениях.

Так, византийская тематика сказалась в нескольких его стихотворениях. Какой видит В. Иванов Византию? Таинственной, мистической, возвышенной. Неслучайно ей посвящены именно сонеты.

Например, рассмотрим сонет «Предчувствие», напрямую не относящийся к ромейству, но насыщенный его образностью. Отблеск Византии здесь усматривается в русском пейзаже. При закате солнца среди русских холмов поэту видится «заревое царьградских мозаик» и золотой «иконостас эфирный». Церковность как бы передается русской природе в мистической причастности «Небесному Царству»: при этом в гармоничности мироздания поэт видит свой «верный путь», который межуют «ряды берез, причастниц непорочных». И над всем этим — «строгий лик», о котором благовестил Восток и теперь благовестит Русь.

Предчувствие

За четкий холм зашло мое светило,
За грань надежд, о сердце, твой двойник!
И заревом царьградских мозаик
Иконостас эфирный озлатило.
Один на нем начертан строгий лик.
Не все ль в былом его благовестило?
Что ж в тайниках истоков возмутило
Прорвавшийся к морям своим родник?..
Луна сребрит парчу дубрав восточных;
И, просквозив фиалковую муть,
Мерцаньями межуют верный путь
Ряды берез, причастниц непорочных.
И пыль вдали, разлукой грудь щемя,
На тусклые не веет озимя.

В другом сонете «Собор св. Марка» Византия также ассоциируется с аполлоновским светлым началом «солнечной» культуры (Христос — Солнце Правды), даже в несколько гиперболическом измерении: собор стоит, «царьградских солнц замкнув в себе лучи». В метафизическом плане здесь Вселенная в лице Византии (и ее достоинства-традиции) несет «початки и ключи в дарохранительный ковчежец Божий». В контексте неоромантического символизма кристальны строки, говорящие о «розе» Византии («роза мира»), «книге» («Книга Жизни») и «крылатом льве» св. Марка (при этом, можно вспомнить и о другом крылатом льве — грифоне — существе, объединяющем Небо и Землю): «И роза Византии червленеет, // Где с книгой лев крылатый каменеет».

Собор св. Марка

Царьградских солнц замкнув в себе лучи,
Ты на порфирах темных и агатах
Стоишь, согбен, как патриарх в богатых
И тяжких ризах ковеной парчи,
В деснице три и в левой две свечи
Подъемлющий во свещниках рогатых, —
Меж тем как на галерах и фрегатах
Сокровищниц початки и ключи
В дарохранительный ковчежец Божий
Вселенная несет, служа жезлам
Фригийскою скуфьей венчаных дождей,
По изумрудным Адрии валам;
И роза Византии червленеет,
Где с книгой лев крылатый каменеет.

Таковые точки пересечения разных культур — римской, византийской, итальянской и русской — весьма характерны для полифоничного и вселенского творчества Вяч. Иванова, не только поэтического, но и культуролого-философского.

А сейчас прозвучит наш основной доклад «Византийская традиция в позднем творчестве Вячеслава Иванова», который прочитает Светлана Дмитриевна Титаренко.

Светлана Дмитриевна Титаренко: Я благодарю за честь быть приглашенной и заранее хочу попросить прощения, если мой исследовательский метод окажется скудным и я все скажу слово, которое покажется вам недостаточным для того, чтобы постичь непостижимое. А непостижимое — это творчество Вячеслава Ивановича Иванова. Непостижимо оно и с точки зрения мудрствования, которому он посвятил свою жизнь, и с точки зрения тех сложных культурных напластований, которые это творчество воплощает.

Основная тема, которую я бы хотела раскрыть, это проблема влияния традиций византийской эстетики на его творчество. Эта проблема является важной для нашей современности, т. к. Вячеславу Иванову принадлежит особая роль в литературе и философской мысли Серебряного века. Он явился одним из наиболее ярких и талантливых выразителей русского христианского самосознания целой эпохи. Хотя и не все его религиозные идеи выдержали проверку временем, тем не менее, они были знаменательными.

Византийская традиция в работах Вячеслава Иванова представляет собой сокровенный контекст всего его творчества. Он особо вспоминал свою мать — Александру Дмитриевну Преображенскую, внучку священника, привившую ему любовь к православно-византийской культуре. Византийская традиция в его творчестве — это в первую очередь традиция духовного и творческого развития личности. Кроме того, принимая опыт всей мировой культуры, он рассматривал русскую культуру как восприимчивую византийской, а через нее — и античной традиции.

Светлана Дмитриевна Титаренко

Хорошо сказал об этом Сергей Сергеевич Аверинцев, который писал: «Любопытно, до чего конец жизни Вячеслава Иванова будет... похож на начало». Нужно вспомнить, что начало жизни Вячеслава Иванова — это жизнь в православной культуре Москвы. Это очень глубокая и, так сказать, бережная духовность православной культуры, которую ему прививала матушка. «Ежедневно прочитывали мы, — вспоминал Иванов, — вместе по главе из Евангелия. Толковать евангельские слова мать считала безвкусным, но подчас мы спорили о том, какое место красивее... Эстетическое переплеталось с религиозным и в наших маленьких паломничествах по обету пешком, летними вечерами, к Иверской или в Кремль, где мы с полным единодушием настроения предавались сладкому и жуткому очарованию полутемных, старинных соборов с их таинственными гробницами».

Рефлексия о Византии глубже всего проявилась в позднем творчестве поэта и мыслителя 1920–1940-х гг. Переломной для его духовного пути стала «Переписка из двух углов» — спор с М. О. Гершензоном о путях и судьбах развития европейской культуры. Именно после ее опубликования в восприятии современников образ Вячеслава Иванова запечатлелся как тип византийца. В римский период жизни и творчества (1924–1949) мысль о значимости церковно-византийской культуры для судьбы России и всего мира начинает звучать в его переписке с дочерью Лидией и сыном Димитрием, с русскими и европейскими мыслителями С. Л. Франком, Э. Р. Курциусом, Дю Босом и др. В статье «Русская идея» он писал о роли церковно-византийской традиции в культуре России, о России как преемнице духовного опыта Византии, о том, что христианская идея воплощает суть русской души.

Опыт развития византийской духовности и его осмысление наблюдается не только в статьях и переписке, но и в лекциях Вячеслава Иванова — например, в лекции, прочитанной в январе-феврале 1927 г. в Павийском университете, — «Русская Церковь и религиозная душа народа», которая недавно была опубликована Ж. Пирон.

Зачитаю некоторые тезисы из конспекта этой лекции: «Византия как преемница Античности. Важность этого предмета для тех, кто стремится к глубокому пониманию духа восточного христианства». «Две особых точки зрения, — как дальше он пишет, — в которых желательно такое понимание. 1. Чего недостает в попытках Католической церкви понять Восток, и что Восток обещает мировому единству. 2. Какое значение для христианства в целом и для европейской цивилизации имеет осуществление сегодня революции и попытки дехристианизации русского народа. Позитивные стороны религиозного усыновления России Византией особенно важны, — отмечает Иванов. Византия — это интеллектуальная культура. Важны труды святого Кирилла и святого Мефодия, их влияние на славянский язык и менталитет. Важно сохранение фольклора, духовной поэзии, важно рассмотреть цивилизационную миссию Церкви. Русские святые и их особая роль. Роль Церкви в создании государства».

Какие вопросы далее выделяет Вячеслав Иванов? «Византийская традиция стремится превознести Бога». «Византийская традиция — соперница Рима». Здесь он расшифровывает: «Народ ищет Град Божий, Церковь невидимую или скрытую». «Византийская традиция иерархична», т. е., он комментирует, «народ предпочитает старцев, верит в существование скрытых святых». «Византийская традиция противопоставляет Небо и землю». И он поясняет: «Народ поклоняется земле и ожидает ее преобразования». «Византийское превозношение Бога и задушевность поклонения Кресту». «Византийская спесь и дух соперничества, смирение народа и поиск Града Божия».

Как видно из этого тезисного плана, проблемы византийской духовности оказываются центральными для размышлений Вячеслава Иванова о судьбе России. Эти же проблемы поднимаются в его книге-исследовании «Достоевский: трагедия-миф-мистика» (1932) и в итоговом произведении, которое он считал своим духовным завещанием — «Повести о Светомире царевиче» (1928–1949). Важный импульс создания произведения — влияние Владимира Соловьева и идей его книги «Россия и Вселенская Церковь».

Сочинение представляет собой христианскую утопию, большую роль играет здесь идея агиократии. «Повесть о Светомире...» воплотила центральную идею христианского возрождения, особенно активно отстраиваемую Вячеславом Ивановым в эмиграции. Эстетика аскетизма, воплощенная в произведении, основывается на византийском опыте исторического летописно-житийного и легендарного эпического повествования и обогащается традициями славянской мифологии и фольклора. Структура художественного образа диктуется как житийным каноном, так и иконологией образа, который двусоставен. Один план составляет реальность творимого образа, другой — его проекция на икону византийской традиции. Характерен язык — архаизированный церковнославянский, но несколько модернизированный.

Если говорить о центральной идее — создании богочеловеческого единства на основе единой Вселенской Церкви — замысел смог воплотиться только частично в созданной Вячеславом Ивановым структуре текста. «Повесть о Светомире...» не была закончена. Для замысла важное значение имело житие св. Вячеслава (Вацлава) Чешского, в честь которого Иванов был наречен матерью. Важны для «Повести о Светомире...» и общеизвестные элементы житийного жанра: необычное рождение героев от праведных родителей (Владарь, Светомир), испытание, прозрение, отречение от плоти, уход от мирского и возможные чудеса героя Светомира — спасителя христианского царства. Легендарный сюжет о пути Светомира облекается в мифологическую форму поиска сакрального. Сакральным средством служит копье-стрела св. Георгия-Победоносца. Поэтому сюжет «романа о стреле» обогащается вариативными схемами из христианской литературы. Образ героя Светомира — христианского аскета у Вячеслава Иванова — уникален. Путь аскезы намечен как путь святости. В отдельных частях произведения, например, в «Послании Иоанна Пресвитера», воссоздаются образы храмов и соборов как изображения Града Божия, которые часто присутствуют на иконах мистико-аллегорического и символично-дидактического характера. Все это говорит о том, что Вячеслав Иванов ставил своей задачей создание глубоко новаторского произведения, основанного на обращении к византийской традиции.

Позвольте, я зачитаю фрагмент из начала последней, пятой книги, «Послания Иоанна Пресвитера Владарю царю...», где прямо говорится о Византии:

«11 Достойт бо тебе исперва благонадежну быти, яко мы от правого исповедания единые святыя, соборные и апостольские Церкви и от предания святоотеческого, аще и многими ересьми прельщаеми, николиже есмы ни в мале не отступили,

12 якоже и сам о том известитися можеша словесным испытанием послов моих, саном священства мне равных.

13 Отсельници есмы новыя Трои, еже Византии имя тайное есть по сказанию древлему.

14 Отрасль хвалимся быти царственного Константина града, далече процветшая прежде распри с Римом первым,

15 о ней-же изволися нам ничесоже ведети. Господа благодаряще, яко хитона Спасителява, не швена, свыше исткана цела, не предерохом ниже разделихом.

16 Ныне же, брате добролюбивый, о жительстве нашем и законе, и свычаях, последь и о себе недостойнем, и о святынях наших сокровенных нечто повемам».

Безусловно, «Повесть о Светомире царевиче» интересна тем, что это богословское послание, текст в тексте, который требует совершенно особого анализа, особого подхода. И в будущем я бы хотела предоставить слово специалистам, которые смогут в полной мере осмыслить эту сложную византийскую традицию и концепцию.

Благодарю всех за внимание.

Евгений Михайлович Титаренко: Друзья, я очень, скажем так, кратко и ударно постараюсь изложить некоторые впечатления, которые производит текст Вячеслава Иванова. Я буду говорить только об одной части в «Повести о Светомире царевиче», а именно — о «Послании Иоанна Пресвитера...».

Евгений Михайлович Титаренко

Я хотел бы остановиться на одном сюжете — это то, о чем говорил отец Игорь и Игорь Борисович: образ Святой Руси. Мне представляется, что это теологическая утопия, попытка создания образа некоего идеального государства, «срединного», как он выражается, некоего царства Божия на земле, где нет смерти, нет зла, где все растворено в добре, где творение оказывается в своем первоначальном состоянии, нетленном, безгрешном, не несущем в себе жала смерти.

Этот образ, как мне видится, мыслитель создает в русле своих историософских представлений, т. е. представлений о будущем мира и Европы. А ведь он жил во времена страшной войны, он уехал из окровавленной России и уже в Риме пережил бойню Второй Мировой, когда об этом рассуждали все, Хайдеггер и прочие, говоря о том, что великая европейская культура впустила в ворота своего монастыря, великого высоколобого монастыря, Дахау и все то, что происходило. Именно поэтому я вижу духовный героизм в самосознании Вячеслава Иванова, направленном на поиск идеала, высокого идеала человечества, религиозного идеала.

Зачитаю маленький фрагмент: «Днесветлым же церквам на земли нашей несть числа: идеже бо раздолие увеливо и травник простран, красуются на солнце и маковицы пестроцветные, крестовоздвиженицы златозарные, аки плодове небытнии посреде зелена вертограда». Пожалуй, остановлюсь, потому что это будет сложно, и попытаюсь своими словами объяснить, что в центре всего повествования Иванов стремится локализовать, показать локус идеального мира, который, по преданиям, расположен между Памиром и Индией и где находится Белое царство, царство Иоанна Пресвитера. Фактически, мне кажется, у него содержится некое описание пространственной иконы. Светлана Дмитриевна говорила об иконописных образах, здесь же мы видим выраженную в художественной форме пространственную икону — икону идеальной земли, в центре которой — Кремль. Вот, строки о Кремле: «Соборная же вся земля срединныя церковь храм есть кремлевой Пресвятыя Богородицы и апостола Ивана Богослова, именуемый Лествичный, о нем-же по тонку поведати надлежит». И дальше идет описание храма. Архитектоника его сакральной иконы,

пространственной иконы, четко организована. На мой взгляд, она следует средневековым канонам понимания пространства, византийским канонам. Есть центр земли, центр вселенной. Есть центр в виде этого Кремля. В центре этого Кремля — храм. И неслучайно это — Богородичный храм, храм Успения, рядом ним — храм Иоанна Лествичника, а дальше у него идет описание мироварни. И здесь возникают, безусловно, в нашем сознании знакомые с детства образы Московского Кремля, где, мы знаем, главным является созданный итальянцем Аристархом Фиораванти собор Успения Божией Матери, построенный по высоким канонам позднего византийского искусства, когда уже небесный свод, купол очень высоко поднимался, царил над пространством. И мироварня — это Патриаршие палаты, Патриарший дворец, колокольня Ивана Великого — как вы знаете, там находится церковь Иоанна Лествичника. Т. е. мы видим отражение впечатлений, которые Иванов впитал с детства, о чем уже говорилось: его мать была пламенной религиозной женщиной, и их прогулки по Кремлю глубоко запечатлелись в сознании, в душе Вячеслава Иванова. И это следование за топографией Москвы мы наблюдаем на протяжении всего повествования. Данилов монастырь, который считался некими воротами, у него также появляется в виде Данилова скита, который служит как бы очистительными воротами для тех, кто идет в святая святых — к Кремлю, к храму.

Пространственная икона завершается еще одним интересным образом, когда от святая святых идут нити, и через приобщение к святым старцам, к их наставлениям, это распространяется на весь мир. И он говорит о неисчислимых церквях, скитах, населенных иноками, занимающимися техникой, наукой, ремеслами, искусствами и т. д. Т. е. в этой пространственной иконе мы видим некое теургическое беспокойство Вячеслава Иванова, выразившееся вот в таком утопическом проекте.

Он вызвал к жизни этот образ, воплощенный в сложной, стилизованной художественной форме, в столь необычные годы. И, вероятно, это подражает и особого, взыскующего читателя и такое время, когда Вячеслав Иванов явится актуальным и его «Светомир» станет чтением, которое поможет человеку разобраться в том, что есть современный мир, что есть душа, вера и что есть современный человек.

Ольга Борисовна Сокурова: То, что я сегодня услышала о позднем творчестве Вячеслава Иванова, для меня представляет большую ценность и новизну. Я очень благодарна Светлане Дмитриевне за подробное исследование этой сложной и почти неизученной темы. Должна сказать, что у меня возникло много ассоциаций и в связи с выступлением Евгения Михайловича...

Моя встреча с Вячеславом Ивановым и его творчеством произошла, когда я была младше многих из сидящих здесь молодых слушателей. Я училась на втором курсе филфака Университета и записалась на Блоковский семинар Дмитрия Евгеньевича Максимова. В 1960–1970-е гг. это был знаменитый на всю страну и известный даже за рубежом семинар по изучению культуры Серебряного века. На одном из занятий Дмитрий Евгеньевич стал называть темы, которые он предлагал для курсовых работ. Тему «Символ в теоретических статьях Андрея Белого и Вячеслава Иванова» он посоветовал не брать, т. к., по его мнению, данная тема была слишком сложна и больше подходила для диссертации. После этих слов я выбрала именно ее, плохо представляя, какие трудности меня ждут впереди.

Надо сказать, что Вячеслав Иванов в итоге сыграл для меня судьбоносную роль — так же, как и Андрей Белый. Пришлось очень серьезно заниматься теорией символа, прорабатывая огромные пласты ранее не известной мне философской и художественной литературы. Дмитрий Евгеньевич был строгим научным руководителем и снимал с нас, что называется, семь шкур. Я очень старалась и, наконец, дошла, насколько было тогда для меня возможно, до каких-то пределов в постижении темы. И вдруг поняла, что остановилась перед некоей стеной, которую мне не пробить, потому что символ как особый тип образности наиболее органичен для религиозных эпох и культур, а также для религиозного художественного сознания. А это значило,

Ольга Борисовна Сокурова

что я смогу понять тему изнутри и на совершенно новом уровне только тогда, когда стану верующим человеком. Таким образом, и события внутренней жизни, и изменения, которые произошли в моих художественных вкусах и предпочтениях, и неслучайные встречи, и в то же время очень сложная, вдумчивая и сосредоточенная научная работа привели меня к вере.

Я занималась ранним творчеством и теоретическими работами Вячеслава Иванова. Здесь очень важно представить главные импульсы, которые шли изнутри жизни и которые подтолкнули его к выбору своего пути. Хотелось бы напомнить в этой связи об общей атмосфере Серебряного века. Отец Георгий Флоровский определил этот период как «перевал сознания». Он пишет так: «В те годы многим открывается, что человек есть существо метафизическое. В самом себе человек находит неожиданные глубины и, часто, темные бездны. И мир уже кажется иным, ибо уточняется зрение, рождается потребность в духовной жизни, потребность строить свою душу. И вдруг становится все как-то очень серьезно. Это значит не то, что все тогда были очень серьезны и верно оценивали значительность происходящего, напротив, тогда было слишком много опасного легкомыслия, мистической безответственности и просто игры...» (ко всему этому был, в известной мере, причастен, как мне кажется, и Вячеслав Иванов). «Но, — продолжает Флоровский, — сами события тогда стали серьезными. В них явно обнаружился суровый апокалиптический ритм. Тогда было много крушений, и редкие надежды сбылись. Павших было больше, чем достигших. Это было время исканий и соблазнов». Названные вызовы времени отразились в жизни и трудах Вяч. Иванова.

К поиску новых жизнетворческих путей его, как и других представителей Серебряного века, привело острое осознание всеобщего кризиса современного мира и не менее острое недовольство «искусственностью» искусства, стремление сделать его более действенным и приближенным к живой жизни. Все это побуждало многих художников искать выход из индивидуальной замкнутости человеческой личности и из границ культуры. Они поняли, что истинный смысл человеческого

существования находится за пределами земного бытия, а смысл искусства следует искать за границами искусства. Именно поэтому они обратились к символу, поскольку он как раз и был такой художественной образностью, которая принципиально *разомкнута*, а указываемый ею смысл находится за ее пределами. Учитывать это объединившее всех символистов обстоятельство очень важно, но столь же важно понять, насколько разными были позиции «старших» и «младших» представителей русского символизма.

У Гелиана Михайловича Прохорова, одного из ведущих византологов и специалистов в области древнерусской культуры, существует очень интересная концепция так называемой крестообразности времени. Прошлое и будущее — на горизонтальной оси, миг и вечность — на вертикальной, а на пересечении обеих осей находится настоящее. В зависимости от сочетаний настоящего с каждым из названных времен можно выявить определенный тип культуры, художественное направление, мировоззренческую основу. Например, установка на прошлое-в-настоящем характерна для патриархально устойчивых, консервативных систем. У наших славянофилов, или у Вячеслава Иванова дело обстоит именно так. А вот будущее-в-настоящем характерно для социальных утопий или для модернистской, авангардистской, постмодернистской установки на новизну. Андрей Белый, который в некотором отношении был антагонистом Иванова, афористически точно написал о характерной ситуации рубежа XIX и XX вв.: «Наша душа чревата будущим: вырождение и возрождение в ней борются».

Но продолжим рассматривать концепцию Прохорова. Вечность-в-настоящем — литургическая формула времени. А миг-в-настоящем — у человека наслаждающегося, ориентированного на потребительский гедонизм («бери от жизни все», «после нас хоть потоп»).

Вячеслав Иванов стремился сочетать прошлое-в-настоящем и вечность-в-настоящем. Он был уверен, что наиболее верный путь вперед — это путь к первоистокам. Нужно перейти от искусства к теургии, т. е. к нравственно-религиозному пересозданию жизни. Способ такого пересоздания он видел в преодолении индивидуализма и в возвращении к органическим (мифологическим) эпохам. Символы, говорил он, — лишь осколки мифов. Возвращение к мифологической целостности — это был, на его взгляд, путь художника к достижению главной цели — восстановлению утраченного духа соборности. Такая цель была, безусловно, очень важна и отражала связь Вячеслава Иванова с одной из наиболее значительных сторон русской религиозной культуры.

Человек, считали все «младшие» символисты, должен стать собственной художественной формой (искусства мало). Вяч. Иванов писал:

Взгрустит кумиротворец-гений
Все глину мять да мрамор сечь
И в облик лучших воплощений
Возмнит свой замысел облечь,
И Человека он возжаждет.

В идеале это был, в глазах Вяч. Иванова, человек, который преодолел свой индивидуализм и соединился с единством родным и вселенским. Для него был дорог платоновский путь познания как воспоминания. А вот у Белого, который находился, казалось бы, в рамках того же символистского направления и который тоже исповедовал творчество жизни, все обстояло, как принято говорить, «с точностью до наоборот». Содержание символа, считал он, сокрыто в глубинах уникальной личности художника, в его подсознании. При этом не соборное Прошлое, а Будущее, возникающее из русского бунта, до поры до времени вдохновляло и восхищало его: «И ты, огневая стихия, безумствуй, сжигая меня. Россия, Россия, Россия — Мессия грядущего дня!» Т. е. он, как и многие в те времена, надеялся выйти через тотальное разрушение к строительству нового мира и созданию нового человека. Причем предполагалось не только

художественное преображение мира и далеко не только социальная революция. Речь шла о гораздо более радикальном проекте — о «новом небе и новой земле»...

Очень точный диагноз подобного рода настроениям и надеждам поставила П. П. Гайденок. Она писала о хилиастической утопии преображения Вселенной («царстве Божиим на земле»), которая была характерна для многих представителей Серебряного века. Эта утопия непостижимым образом соединила совершенно разные слои русского общества: мистически настроенных философов и художников Серебряного века и представителей революционной интеллигенции, а также религиозные секты типа хлыстов, которые возникли в народе накануне смуты. Вот как пишет Пиама Павловна (ее высоко ценил наш с Игорем Борисовичем общий друг Анастасий Королев, который был с ней хорошо знаком): «При всем разнообразии хилиастических движений, для всех них характерно болезненно-острое переживание царящих в мире зла и страдания, переходящее в ненависть не только ко злу, но и к самому миру, который „во зле лежит“. Эта восходящая к гностицизму ненависть к миру порождает поглощающую страсть к разрушению, которая отличает революционеров всех мастей, приверженцев как утопий социоцентрических и атеистических, так и утопий метафизических и религиозных. Суть этой страсти хорошо выразил Бакунин: „Радость разрушения — это творческая радость“. Для хилиастическо-утопического сознания характерно стремление не только перестроить общество, но и изменить саму природу человека».

И вот здесь необходимо сказать о том, в чем состояла главная миссия и главная заслуга Вячеслава Иванова. Она, на мой взгляд, была в том, что он выступил против идеи всеобщего разрушения. В переписке «Из двух углов», которую он вел с Гершензоном (еще одним «революционером духа»), Вячеслав Иванов решительно встал на защиту культуры, а она и в самом деле в те времена очень нуждалась в защите. В наши дни проблема защиты истинной культуры и подлинных культурных ценностей стала еще более острой, и потому принципиальная позиция Вячеслава Иванова продолжает быть и сегодня в высшей степени актуальной и заслуживает повышенного внимания. Он явился рыцарем культуры, защитником положительных ценностей. Устремление к небу, предупреждал он своих собратий, не должно порождать пренебрежительное отношение к земле: «Не мни: мы, в небе тая, с землей разлучены. Ведет тропа святая в заоблачные сны». Дух, душа и плоть призваны пребывать в иерархической гармонии. Ибо нельзя забывать, что именно в таком триединстве человек создан Творцом.

Вяч. Иванов предстает перед нами как «реалистический символист» (так сам он себя называл), который верен онтологическому принципу в представлении о содержании символа и символических произведений, в отличие от идеалистических символистов, выражающих в символе свою глубинную субъективность. Он полагал, что художнику нужно не утверждать себя хозяином истины, а смиренно подчиняться Истине. Кроме того, неплохо бы считаться и с реальностью земных вещей, не отрицая и не разрушая их. Он призывал собратий-художников идти от реального к реальнейшему (*a realia ad realiora*). Он считал, что не нужно налагать своей воли не только на высшее состояние вещей преображенных, но и на сами вещи, даже на их поверхность. Нужно ценить плоть мира. Вяч. Иванов выполнял, таким образом, защитную функцию в отношении бытия и культуры. Он был убежден: «Вечное входит в единократное, бесконечное присутствует в границах конечного». В этом отношении он шел против общего течения времени, которое было по своему пафосу разрушительным. А. Белый, например, писал: «Творчество мое — бомба, которую я бросаю. Мир — бомба, брошенная в меня. Удар бомбы о бомбу — брызги осколков». Вячеслав Иванов, в отличие от него, отстаивал «тонкий луч таинственного „Да“» (у него есть такая поэтическая строка).

Одним из наиболее принципиальных его оппонентов, наряду с А. Белым, был Н. А. Бердяев. В «Биржевых ведомостях» за 1916 г. была опубликована весьма характерная его статья «Очарование отраженных культур». В ней Бердяев говорит о том,

что Вячеслав Иванов хочет всех «передавать», ибо «давать» и примирять непримиримое ему несложно. Ведь он «сверхфилолог», а значит, живет не в подлинном бытии, с его подлинными сложностями и трагедиями, а во вторичном, отраженном, «филологическом бытии». Между прочим, Блок, соглашавшийся с Ивановым в принципиальной позиции преодоления индивидуализма и вообще очень уважительно относившийся к «Вячеславу Великолепному», все же, как и Бердяев, находил в Иванове «противноватую легкость». Оба догадывались, что его «да», обращенное к бытию, не было по-настоящему выстрадано. Это «да» не несло в себе, говоря философским языком, снятое «нет».

Со своей стороны, Вячеслав Иванов зорко разглядел в позиции своих оппонентов, Белого и Бердяева, отрыв от реальности и субъективистскую гордыню «свободного духа». Он утверждал, что процесс воплощения духовных озарений в художественном творчестве означает не бердяевскую негативную «объективацию», а *кенозис*, т. е. добровольное *нисхождение* художника в мир, к людям — для того, чтобы они в труде восприняли символических произведений начинали обратный процесс *восхождения* к высшим смыслам, на которые эти произведения указывают.

Названная полемика выявила, с одной стороны, принципиально важные взгляды, заветные мысли каждого из ее участников, с другой стороны, она позволила понять опасные «уклоны» и крайности, которые впоследствии отразились в их судьбах.

Для Иванова известную духовную опасность представлял религиозный натурализм, освящение непреобразенной плоти мира, довольно сильное притяжение к земле. Как представляется, этот «уклон» привел его, в конечном счете, в лоно католицизма. А что касается Бердяева и близкого к нему по духу Белого, то их подстерегала другая опасность — это спиритуализм, мистический индивидуализм, своеволие, брезгливое отношение к плоти (о чем пишет Бердяев в «Опыте самопознания» и «Опыте эсхатологической метафизики»). В результатах во взглядах Бердяева проявилось непонимание догмата о Воплощении, отход от «исторической» Церкви, а на самом деле от Церкви как таковой, и уклонение к гностической ереси, а у Белого — увлечение антропософской ересью Штейнера с элементами оккультизма.

Неудачу потерпела также попытка Вяч. Иванова сблизить Христа и Диониса, что, как представляется, неблагоприятно отозвалось в ряде обстоятельств его личной жизни.

Но нужно понимать и помнить, как много сделал Вячеслав Иванов для защиты культуры именно в те времена, когда все рушилось вокруг. На защиту культуры, защиту человека и человечества, на защиту земли и неба, по его примеру, надо встать и сейчас.

К концу жизни, на высочайшем уровне освоив и выразив в своем творчестве вселенское культурное достояние, Вячеслав Иванов стал погружаться в заповедные глубины родного Китежа. Об этом свидетельствуют прозвучавшие сегодня доклады.

Александр Васильевич Маркидонов: Хочу поблагодарить Светлану Дмитриевну за ее насыщенное емкое сообщение: она затронула целый ряд аспектов творчества Вячеслава Иванова, осуществила введение в художественно-религиозный космос поэта, — так что, мне кажется, нельзя было не испытать того интеллектуального напряжения, которое всегда переживаешь в предчувствии откровения смысла.

Нельзя не согласиться и с Ольгой Борисовной, когда она, живо характеризуя богатое культурное наследие Серебряного века, отмечает в то же время его двойность — некоторую духовную двусмысленность, если не двуличность. И перед Вяч. Ивановым, насколько я понимаю, объективно стояла задача — не отказываясь от культурного богатства, перерасти, однако, его двусмысленность, его религиозную смутность, нетрезвость. Он шел по этому пути, как он его понимал: удалось ли ему достичь духовного трезвомыслия при сохранении культурного универсализма, и каким именно образом, — это вопрос.

Александр Васильевич Маркидонов

Нашему вниманию также был представлен замечательный анализ «Послания Иоанна Пресвитера» с акцентом на значении топографии московского Кремля в жизни Вячеслава Иванова и, конечно, в его творчестве, в его умозрении. Топография здесь, безусловно, выступает в качестве иконографии и придает, таким образом, всему историософскому видению Иванова, я бы сказал, характер иконичности, другими словами, — эсхатологизирует историю в понимании художника-мыслителя.

Попутно встает вопрос психологического что ли характера: как во времена революционной катастрофы и двух мировых войн можно было, во-первых, усмотреть, а во-вторых, выявить, художественно воплотить такой гармоничный, как бы сопряженный небесной славе образ реальности, даже именно исторической реальности, в ее, конечно, эсхатологическом задании? Впрочем, может быть, здесь и не противоречие, а глубокая закономерность: ведь именно во время Первой мировой войны, с ее звериной личиной, Е. Н. Трубецкой писал свои статьи об иконе, именно тогда ему открылся или, во всяком случае, особенно глубоко был восчувствован смысл иконы, являющей тайну, но и лик преображенной святой твари. Ведь эта тема преображенной, во святых — иконически — сказывающей себя твари и есть, мне кажется, ведущая тема «Повести о Светомире царевиче» и в ней особенно — «Послания Иоанна Пресвитера».

Другое дело, что иконичности сопутствует ее профанация, ее двойник — утопичность или, в более узком отношении — хилиастичность. Утопия — это подмена. Утопия предполагает возможность самосильного человеческого движения к царству осуществимого (здесь, в посяторонности земной истории) идеала. И вот вопрос, в котором надлежало бы разобраться, — насколько сам Иванов был свободен, насколько он преодолел соблазн этого утопизма, вполне ли удержан у него принцип иконичности (способности сохранить эсхатологизм своей духовной осанки, духовного этоса при полном трезвомыслии по отношению к конкретности истории, в которой открытость парадоксально, но необходимо сочетается с ограниченностью)?

В целом, мне кажется, если не углубляться в самые понятия «иконичности — утопичности», а только обозначить самый их характер в конкретике и через конкретику жизненного пути Вяч. Иванова, — то, я думаю, самый переход его в католицизм (с извинительными оговорками и даже именно с учетом их) говорит о несвободе от утопизма — об ослаблении исторической трезвости, размывании исторической конкретности, изнутри которой только и надлежит блюсти и осуществлять иконическое видение.

Кстати, глубинные, сокровенные мотивы и оправдание перехода Вяч. Иванова в католицизм, самая его допустимость и оправданность, — остаются тайной. Они не выговорены, не определены, а лишь загадочно обозначены.

В 1934 г. знаменитый филолог, историк культуры Курциус, во многом единомысленный с Ивановым в представлении о природе и значении гуманизма, писал нашему поэту: «Мне трудно понять, что Вы — коренной русский, более того, славянин — все же принимаете церковный примат Запада. Я еще напишу Вам об этом более обстоятельно».

И Курциус настойчиво писал, а Иванов настойчиво уклонялся от ответа, ссылаясь на уже сделанные когда-то объяснения (в письме Дю Босу, в частности).

«Ваше письмо Дю Босу, — отвечал Курциус, — я, разумеется, прочитал неоднократно, однако оно не все мне прояснило». И, как бы смиряясь, Курциус заключает: «Но ведь не нужно желать понять все».

Наконец, Иванов пишет: «Я со своей стороны хотел бы, чтобы Вы понимали меня во всем. И все же есть, наверное, средство лучшее, нежели сразу говорить о самом трудном для понимания, т. е. о посвящениях, что уже почти вошло в обычай между нами... Итак, вновь об *ελευδυσασθαι*» (облечься).

Таким образом, в некотором объяснение (или по поводу самого вопроса о нем) перехода Вяч. Иванова в католицизм, который был для него самого не собственно *переходом* (когда оставляется одно, чтобы вступить в другое), но *вхождением* (или даже *восхождением*) в универсальное, синтетическое (кафолическое) бытие Церкви, — в некоторое объяснение этого Иванов говорит о *посвящении*, каковое символизируется для него новозаветной теологемой *ελευδυσασθαι* (облечься). Сам Иванов, повторимся, не разъясняет этой теологемы в связи с его представлением о посвящении, но только обозначает, символически намекает ею на тайну посвящения. Посвящения, позволяющего сопрягать в непрерывное целое (здесь и теперь) исторически дискретно осуществленные опыты *гуманизма* (понимаемого, в конечном счете, как *оправдание человека в Боге*, как некая антроподицея, без которой немислима для гуманистов и теодицея).

Термин «облечься» взят из апостола Павла, у которого он указывает, собственно говоря, на *воскресение*: «Гленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие» (1 Кор 15: 53–54), а также во 2 Кор 5: 4: «Не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью». Ближайшим уже в святоотеческой традиции последователем апостола Павла — сщмч. Иринеем Лионским — эта тема осмыслена в перспективе того, что называется *ανακεφαλαίωσις* (латинское *rescapitulatio*) — *возглавления* в воскресшем Христе всей твари. Так или иначе, но всегда *именно и только во Христе*.

Не развоплощает ли историю «посвящение» Вяч. Иванова? Ведь универсально, целостно она собирается только во Христе. Всякое «наряду» или «помимо» Христа — не утопия ли? Благородная, в каком-то отношении именно христианскими началами вдохновленная, но не утопия ли?!

Может быть, что-то прояснится, если мы поставим тему «посвящения» у Вяч. Иванова рядом с тем острым неприятием «историографического» у М. Хайдеггера и «хронологического» у Симоны Вейль — с их, заметим, также своеобразным «эллинизмом»? Все это еще в области вопрошания.

Игорь Борисович Гаврилов: Мы благодарим всех участников за интересные доклады, вы устроили нам настоящий праздник науки, пиршество духа! Огромное

спасибо! Конечно, творчество Вячеслава Иванова — это загадка, и мы находимся лишь на самых начальных этапах ее разгадывания. Мне очень близка уже прозвучавшая сегодня мысль о читателе будущего. Вспоминается Шпенглер, который писал «Закат Европы», когда наступала эпоха цивилизации, гибели культуры. В этой же ситуации Вяч. Иванов создавал «Светомира» — в хорошем смысле эзотерическое послание будущему, послание той будущей Руси, которая, он верил, все-таки грядет и которая преобразит мир. Тема «Иванов — византинист», безусловно, нуждается в дальнейшем раскрытии, и мы надеемся на продолжение наших встреч с привлечением новых неравнодушных участников.